Подлинная Барензия, т. 4

Подлинная Барензия

Том 4

Неизвестный автор

"Все, что я когда-либо любила, я потеряла, - думала Барензия, смотря на верховых рыцарей впереди и позади, ее камеристка сидела рядом с ней. - Но я получила некоторую власть и богатство, и было обещано еще больше. Дорого я за это заплатила. Теперь я лучше понимаю, почему Тайбер Септим так любит власть, если ему часто приходиться так дорого платить. Несомненно, ценность узнается по цене, которую мы за нее платим". По желанию, она теперь ехала верхом на чалой кобыле, одетая воином, в великолепной кольчуге работы темных эльфов.

Проходили дни, ее кортеж ехал по дороге на восток, и вокруг постепенно появлялись крутые горы Морровинда. Воздух был разрежен, и постоянно дул холодный осенний ветер. Но он приносил сладкий аромат поздно цветущих черных роз, растущих во всех укромных уголках и расщелинах высокогорий, находя питание даже в самых каменистых местах. В маленьких городах и деревушках вдоль дороги собирались разные темные эльфы, выкрикивали ее имя или просто глазели. Большинство ее сопровождающих были редгарды, было несколько высоких эльфов, нордов и бретонов. С продвижением в сердце Морровинда, они чувствовали себя все более неуютно и держались ближе друг к другу. Даже эльфийские рыцари были настороже.

Но Барензия чувствовала себя как дома. Сама земля приветствовала ее. Ее земля.

Симмах встретил ее на границе Морнхолда в сопровождении рыцарей, около половины которых были темными эльфами. В имперских боевых доспехах, отметила она.

По поводу ее прибытия в город был устроен парад, и произнесены речи сановников.

"Я позаботился о ремонте королевских апартаментов, - сказал ей генерал, когда они подъезжали к дворцу, - но, разумеется, вы можете изменить там все, что вам не по вкусу". Он продолжал говорить о подробностях коронации, которая должна была состояться через неделю. Он был прежним командиром, но она почувствовала кое-что еще. Он ожидал ее одобрения всех приготовлений, фактически, выпрашивал его. Это было ново. Раньше ему никогда не требовалась ее благодарность.

Он не расспрашивал ее о жизни в Имперском городе, или о ее интриге с Тайбером Септимом, хотя Барензия была уверена, что Дреллиэн рассказала ему, или написала ранее, во всех подробностях.

Сама церемония, как и многое другое, была смесью старого и нового: некоторые ее части взяты из древних традиций темных эльфов Морнхолда, остальные указаны имперским приказом. Она поклялась служить Империи и Тайберу Септиму, так же как и Морнхолду и его народу. Она приняла клятвы верности и преданности народа, дворян, и совета. Совет состоял из смеси имперских эмиссаров (называемых "советники") и местных представителей народа Морнхолда, которые были, в основном, старейшинами, в согласии с эльфийским обычаем.

Позже, Барензия обнаружила, что тратит больше времени на попытки примирить эти две фракции и их сторонников. Старейшины должны были пойти навстречу примирению, в свете реформ, представленных Империей, и относившихся ко владению землями и сельскому хозяйству. Но многое в них противоречило обычаям темных эльфов. Тайбер Септим, "именем Единого", установил новую традицию, и даже боги и богини должны были подчиниться.

Новая королева полностью ушла в работу и учебу. Она покончила с любовью и мужчинами надолго, если не навсегда. Были и другие удовольствия, как и говорил ей тогда Симмах: удовольствия разума и власти. Она полюбила (удивительно, ведь в Имперском городе ей это не нравилось) историю и мифологию темных эльфов, желая знать больше о народе своих предков. Она с удовлетворением отметила, что они были гордыми воинами, и умелыми мастерами, и хитроумными магами еще с незапамятных времен.

Тайбер Септим прожил еще полвека, и иногда она встречалась с ним, когда по разным причинам ее вызывали в Имперский город. При встрече он тепло приветствовал ее, и они долго разговаривали о событиях в Империи, когда представлялась возможность. Казалось, он забыл, что между ними было нечто большее, чем дружба и политика. Он мало изменился с годами. Ходили слухи, что маги смогли продлить ему жизнь, и даже, что Единый даровал ему бессмертие. Но однажды посланник принес весть о смерти Тайбера Септима, и о том, что его сын, Пелагиус, стал императором.

Они выслушали новости одни, она и Симмах. Бывший имперский генерал, а сейчас ее премьер-министр, принял известие стоически, как принимал и все остальное.

"Почему-то это кажется невозможным", - сказала Барензия.

"Я говорил тебе. Ай. Таковы люди. Они не живут долго. Но это не так уж важно. Осталась его власть, и сейчас ею обладает его сын".

"Ты как-то назвал его другом. Ты чувствуешь что-нибудь? Скорбь?"

Он пожал плечами. "Было время, когда и для тебя он был кем-то большим. Что ты чувствуешь, Барензия?" Наедине, они уже давно не называли друг друга титулами.

"Пустоту. Одиночество", - ответила она, тоже пожимая плечами. "Но это не ново".

"Да. Я знаю", - сказал он, беря ее за руку. "Барензия..." Он приподнял ее лицо и поцеловал.

Она очень удивилась. Она не могла припомнить, чтобы он когда-либо касался ее ранее. Она никогда не думала о нем "так", и все же, знакомое тепло разлилось по ее телу. Она почти забыла, как оно приятно, это тепло. Не обжигающее пламя, которое она чувствовала вместе с Тайбером Септимом, но спокойное, крепкое тепло, которое у нее связывалось со... со Строу! Строу. Бедняга Строу. Она так давно о нем не вспоминала. Сейчас, если он еще жив, то уже в годах. Возможно, с кучей ребятишек, нежно подумала она... и женой, которая может говорить за двоих.

"Выходи за меня замуж, Барензия", - сказал Симмах, будто уловив ее мысли

о женитьбе, детях... женах. "Я достаточно долго работал, трудился и ждал, разве нет?"

Замужество. Крестьянин с крестьянскими мечтами. Мысль сама появилась в уме, непрошенная и ясная. Разве не этими словами она так давно описала Строу? Но все же, почему бы и нет? Если не Симмах, то кто?

Многие благородные семьи Морровинда были уничтожены в объединяющей войне Тайбера Септима до подписания соглашения. Правление темных эльфов было восстановлено, верно, но не прежнее, теперь правили не истинные дворяне. Большинство из них - выскочки, как Симмах, но и вполовину не так хороши и достойны, как он. Он сражался за сохранность Морнхолда, когда их так называемые советники растащили бы его по косточкам, вытянули все силы, как из Эбонхарта. Он сражался за Морнхолд, за нее, пока она и королевство росли и процветали. Она почувствовала внезапную благодарность и, несомненно, нежность. Он был надежным и верным. И он хорошо послужил ей. Он полюбил ее.

"Почему бы и нет?" - ответила она с улыбкой. И взяла его руку. И поцеловала его.

Союз был удачен, и в политическом, и в личном плане. Хотя наследник Тайбера Септима, нынешний император Пелагиус I, предвзято смотрел на нее, он полностью доверял старому другу отца.

Но все же, на Симмаха подозрительно смотрел высокомерный народ Морровинда, из-за его крестьянского происхождения и тесной связи с Империей. Но королева была популярна. "Леди Барензия - одна из нас", - говорили шепотом, - "тоже побывала в плену".

Барензия была довольна. Были работа и удовольствие, чего еще можно желать от жизни?

Быстро проносились годы, наполненные кризисами, которые нужно было разрешить, ураганами, и голодом, и неудачами от непогоды, интригами, которым нужно было помешать, и заговорщиками, которых надо было наказать. Морнхолд процветал. Ее народ был в безопасности, сыт, а ее шахты и фермы - производительны. Все было хорошо, за исключением того,

что у королевской пары не было детей. Не было наследников.
Дети эльфов рождаются редко, а дети благородных семей - еще реже.
Поэтому прошло много десятилетий прежде, чем они начали беспокоиться.

"Это моя вина, Симмах. Я - порченый товар", - горько сказала Барензия.
"Если ты хочешь взять другую..."

"Мне не нужна другая, - нежно ответил он, - и не уверен, что эта вина - твоя. Может, это я виноват. Ай. Неважно. Мы поищем лекарство. Если что-то не так, ведь это можно исправить".

"Как? Кому можно поведать истинную историю? И лекари не всегда держат клятву".

"Не имеет значения, если мы немного изменим время и обстоятельства. Чтобы мы ни сказали, или захотели сказать, Джефр Рассказчик всегда наготове. Его богом данный изобретательный ум и быстрый язык быстро разнесет нужные слухи и сплетни".

Священники, лекари и маги приходили и уходили, но все их молитвы, эликсиры и зелья не помогли ничем. В конце концов они перестали думать об этом и доверились богам. Они еще были молоды, по меркам эльфов, их ожидали еще долгие века. У них было время. У эльфов всегда есть время.
Барензия сидела за обедом в Большом зале, передвигая пищу по тарелке, ей было скучно и неспокойно. Симмаха вызвал в Имперский город пра-правнук Тайбера Септима, Уриэль Септим. Или это был его пра-пра-правнук? Она поняла, что сбилась со счета. Их лица будто перетекали одно в другое. Может, ей стоило поехать вместе с ним, но здесь была делегация из Тира по какому-то утомительному вопросу, который, однако, требовал деликатного подхода.

Бард пел в алькове залы, но Барензия не слушала. В последнее время, все песни, старые и новые, казались ей одинаковыми. А потом ее внимание привлекла одна фраза. Он пел о свободе, приключениях, об освобождении Морровинда от оков. Да как он смел! Барензия села прямо и посмотрела на него. Еще хуже, она поняла, что в песне пелось о какой-то древней войне со скайримскими нордами, и воспевался героизм королей Эдварда и Морелина и их отважных товарищей. Легенда была довольно старой, но песня - новой... а ее значение... Барензия не была уверена.

Смелый парень, этот бард, с сильным голосом и хорошим слухом. Вдобавок, довольно красив. Он не выглядел состоятельным, но не был и очень молодым. Разумеется, ему не могло быть больше сотни лет. Почему она не слушала его раньше, или, хотя бы, не слышала о нем.

"Кто это?" - спросила она у фрейлины.

Женщина сказала, пожав плечами: "Он называет себя Соловьем, миледи. Никто о нем ничего не знает".
"Пусть подойдет ко мне, когда закончит".

Человек, названный Соловьем подошел к ней, поблагодарил за оказанную честь и толстый кошелек, который она дала ему. Он оказался довольно тихим и скромным. Он много сплетничал о других, а она ничего не знала о нем, он избегал всех вопросов, отвечая на них лишь шутливыми отговорками или грубыми сказками. Но все парировалось с таким очарованием, что было невозможно оскорбиться.

"Мое настоящее имя? Миледи, я никто. Мои родители называли меня Знаешь-Ван, или, все же, Нет-Приятель... Какая разница? Это совсем неважно. Как родители могут дать имя тому, кого не знают? А! Пожалуй, это и есть мое имя, Тот-Кого-Не-Знают. Я был Соловьем так давно, не помню с каких пор, может, с прошлого месяца или с прошлой недели? Вся память уходит на песни и рассказы, миледи. Для себя у меня памяти не остается. Я на самом деле скучен. Где я родился? Ну, в Знаете-Где. Я думаю, когда доберусь в Незнамокуда, я осяду там... но я не тороплюсь".

"Понятно. Тогда, ты женишься на Внейуверенной?"

"Вы очень проницательны, миледи. Может быть, может быть. Хотя, порой, ТаДругая тоже кажется мне весьма привлекательной".

"А. Так ты непостоянен?"

"Как ветер, миледи. Я бываю там, и здесь, где жарко, и где холодно. Шанс - мой наряд. Остальное мне не слишком подходит".

Барензия улыбнулась. "Тогда останься с нами на некоторое время... если пожелаешь Изменчивый милорд".

"Как пожелаете, Просветленная миледи".

После этого краткого разговора, Барензия обнаружил новый интерес к жизни. Все привычное вновь казалось свежим и новым. Она приветствовала каждый день с радостью, ожидая разговора с Соловьем и его песни в подарок. В отличие от других бардов, он никогда не пел ей хвалебных песен, не воспевал никого другого, кроме приключений и подвигов.

Когда она спросила его об этом, он ответил: "Разве нужна иная похвала вашей красоте, чем та, которую дает зеркало, миледи? А если нужны слова, вам их скажут величайшие, а не презренный я. Как я могу соревноваться с ними, ведь я будто неделю назад родился?"

Однажды они говорили наедине. Королева, страдая бессонницей, призвала его в свою комнату, надеясь, что музыка успокоит ее. "Ты ленивый трус, сера, иначе мое обаяние подействовало бы на тебя".

"Миледи, чтобы восхвалять вас, мне нужно вас узнать. А этого мне не дано. Вы постоянно за завесой тайны, полны очарования".
"Нет, это не так. Это твои слова полны очарования. Твои слова... и твои глаза. Твое тело. Узнай меня, если хочешь. Познай меня, если осмелишься".

Он пришел к ней. Они лежали рядом, обнимались и целовались. "Даже сама Барензия не знает себя, - прошептал он, - как же я могу? Миледи, вы ищете того, чего не знаете. Вы хотите того, чего у вас нет?"

"Страсти, - ответила она. Страсти. И рожденных ею детей".

"А как же дети? Какие права у них будут?"

"Свобода, - сказала она. Свобода быть теми, кем они пожелают. Скажи ты, я ведь считаю тебя мудрейшим. Где я могу получить это?"

"То, что тебе нужно - рядом с тобой и под тобой. Осмелишься ли ты протянуть руку и взять то, что будет принадлежать тебе и твоим детям?"

"Симмах..."

"Я знаю часть ответа к тому, чего ты ищешь. Другая спрятана под нами, в

шахтах твоего королевства, та часть, которая дарует нам силу исполнить свои мечты. Которую Эдвин и Морелин использовали, чтобы освободить Хай Рок и свои души от ненавистного подчинения нордам. Если правильно ей воспользоваться, миледи, никто не устоит против нее, даже власть императора. Свобода, сказала ты? Барензия, она дает свободу от оков, что удерживают тебя. Подумай об этом, миледи". Он снова поцеловал ее и отодвинулся.

"Ты уходишь...?" - воскликнула она. Ее тело тянулось к нему.

"Сейчас, да", - сказал он. "Удовольствия плоти - ничто, перед тем, что может быть у нас. А сейчас, подумай о моих словах".

"Мне не нужно думать. Что мы должны сделать? Какие приготовления понадобятся?"

"Никаких. В шахты нельзя войти просто так, это верно. Но рядом со мной королева, кто осмелится встать поперек пути? Внизу я смогу провести тебя туда, где покоится эта вещь, и забрать ее".

Наконец ей вспомнились ее учение. "Рог Призыва, - благоговейно прошептала она. Это правда? Каким образом? Как ты это узнал? Я читала, что он похоронен в глубоких пещерах Даггерфолла".

"Я долго изучал этот предмет. Перед смертью король Эдвард отдал рог на хранение своему старому другу, королю Морелину. Он, в свою очередь, спрятал его в Морнхолде, под охраной бога Эфена, там, где тот родился. Теперь ты знаешь то, что стоило мне долгих лет изучения и многих миль пути".
"Ну, а бог? Что же Эфен?"

"Доверься мне, милая. Все будет хорошо". Смеясь, он поцеловал ее еще раз, и вышел.

На следующий день они прошли мимо стражей у порталов, ведущих в шахты, и ниже. Притворившись, что совершает обычный осмотр, Барензия, в сопровождении одного лишь Соловья, проходила одну пещеру за другой. Наконец они достигли забытого прохода, и, войдя в него, обнаружили, что он

вел к очень древней, а теперь позабытой части выработок. Идти было опасно, некоторые старые штольни обвалились, и им приходилось расчищать себе путь или искать обход. Страшные крысы и огромные пауки пробегали тут и там, иногда даже нападая на них. Но заклинания огненного удара Барензии и быстрый кинжал Соловья легко справлялись с ними.

"Нас уже долго нет, - наконец сказала Барензия. Нас будут искать. Что я им скажу?"

"Да что захочешь, - рассмеялся Соловей. Ты ведь королева, так?"

"Лорд Симмах..."

"Этот крестьянин подчиняется всем, обладающим властью. Всегда так делал. А властью будем обладать мы, милая". Его губы были сладкими, как вино, а прикосновения одновременно пламенны и холодны как лед.

"Сейчас, - сказала она, - возьми меня сейчас. Я готова". Ее тело будто гудело, каждый мускул напряжен.

"Еще нет. Не здесь, не так". Он показал рукой на пыльные обломки и мрачные каменные стены. "Еще немного". Неохотно Барензия кивнула, соглашаясь. Они снова пошли.

"Здесь, - наконец сказал он, остановившись перед глухой стеной. - Это здесь". Он нацарапал в пыли руну, в то же время сплетая заклинание другой рукой.

Стена исчезла. Там открылся вход в какое-то древнее святилище. Посередине стояла статуя бога, с молотом в руке, занесенной над адамантовой наковальней.

"Своею кровью, Эфен, - закричал Соловей, - я приказываю тебе проснуться! Я, потомок Морелина из Эбонхарта, последний из королевской линии, разделяющий твою кровь. В последний час Морровинда, когда все эльфы в опасности, отдай мне то, что охраняешь! Я приказываю тебе, ударь!"

При его последних словах статуя засветилась, ожила, пустые каменные глаза вспыхнули красным. Кивнула огромная голова, молот встретился с наковальней, и она раскололась с ужасным грохотом, и сам каменный бог

рассыпался. Барензия упала на пол с громким стоном и закрыла уши руками.

Соловей отважно прошел вперед и схватил что-то, лежавшее в обломках с восторженным восклицанием. Он поднял свою добычу над головой.

"Кто-то идет! - встревожено закричала Барензия, и только потом заметила, что именно он держал в руке. - Постой, но это же не Рог, это - это посох!"

"Верно, миледи. Ты наконец увидела! - громко рассмеялся Соловей. Прости, милая, но я должен тебя покинуть. Может, мы еще встретимся когда-нибудь. А пока... А пока, Симмах, - обратился он к появившейся сзади них фигуре в кольчуге, - она твоя. Можешь забрать ее".

"Нет!" - закричала Барензия. Она вскочила и побежала к нему, но он исчез. Пропал, когда Симмах добрался до него с обнаженным мечом. Клинок рассек пустое пространство. Он замер, будто решив занять место каменного бога.

Барензия ничего не говорила, ничего не слышала, не видела... не чувствовала...

Симмах сказал полудюжине эльфов, пришедших вместе с ним, что Соловей и королева Барензия заблудились, и на них напали огромные пауки. Соловей оступился и упал расщелину, сомкнувшуюся над ним. Достать его тело было невозможно. Он сказал, что королева глубоко потрясена и горько оплакивает потерю друга, погибшего, защищая ее. Такое сильное действие оказывали присутствие и приказы Симмаха, что крайне удивленные рыцари, не видевшие всего полностью, тут же поверили, что все было согласно его словам.

Королеву проводили обратно во дворец и отвели в ее комнату, где она отпустила от себя всех фрейлин. Долгое время она сидела перед зеркалом в ошеломлении, настолько обезумев от горя, что даже не могла плакать. Симмах стоял рядом, наблюдая за ней.

"Ты хоть понимаешь, что наделала?" - наконец промолвил он - ровно, холодно.

"Ты мог бы рассказать мне, - прошептала Барензия. - Посох хаоса! Я и подумать не могла, что он был там. Он сказал... он сказал..." - она тихонько застонала и сжалась от отчаяния. "О, что же я наделала? Что я наделала?

Что же теперь будет? Что будет со мной? С нами?"

"Ты его любила?"

"Да. Да, да, да! О мой Симмах, да смилуются надо мной боги, но я в самом деле любила его. Любила. Но сейчас... сейчас... Я не знаю... я не уверена... я..."

Лицо Симмаха слегка смягчилось, его глаза засверкали, и он вздохнул: "Да. Тогда это все объясняет. Ты станешь матерью, если только это в моей власти. А в остальном, Барензия, дорогая моя Барензия, я думаю, ты выпустила настоящий ураган. Некоторое время он еще будет собираться. Но когда он начнется, мы выдержим его вместе. Как всегда делали".

Он подошел к ней, раздел, и отнес на кровать. Из-за горя и страстного желания ее ослабшее тело отвечало ему как никогда прежде, изливая все, что пробудил в ней Соловей. И это успокоило призраков того, что он уничтожил.

Она была пустой, опустошенной. А потом снова заполнилась, ибо в ней зародилось и развивалось дитя. Как рос ее сын, также росло и ее чувство к терпеливому, верному, преданному Симмаху, зародившееся из долгой дружбы и стойкой привязанности, которое, наконец, вызрело в настоящую любовь. Восемь лет спустя им снова посчастливилось, и в этот раз у них появилась дочь.

Сразу после того, как Соловей похитил Посох хаоса, Симмах послал срочное секретное послание Уриэлю Септиму. Он не поехал сам, как обычно, предпочтя остаться с Барензией на время периода овуляции, чтобы она забеременела. Из-за этого, и из-за кражи, ему пришлось перенести временную немилость Уриэля Септима и несправедливые подозрения. На поиски вора отправили многих шпионов, но Соловей исчез неизвестно куда, так же, как и появился.

"Должно быть, в нем есть кровь темных эльфов, - сказала Барензия, - но и человеческая тоже. Иначе бы период овуляции не наступил так скоро".

"В нем, несомненно, течет кровь темных эльфов, причем принадлежащая древнему роду Ра'атим, иначе он не смог бы освободить Посох", - предположил Симмах. Он повернулся и посмотрел на нее: "Не думаю, чтобы он

лег с тобой. Как эльф, он бы не осмелился, ведь тогда бы он не смог с тобой расстаться". Он улыбнулся. Потом снова посерьезнел. "Да! Он знал, что внизу был Посох, а не Рог, и что ему потребуется телепортироваться в безопасное место. Посох - не оружие, которое видело бы его насквозь, в отличие от Рога. Возблагодари богов, что он еще им не обладает! Казалось, все было, как он и ожидал, но откуда он мог знать? Я сам положил туда Посох, с помощью одного из Клана Ра'атим , который теперь за это сидит на троне в Эбонхарте. Тайбер Септим забрал Рог, но оставил Посох для пущей сохранности. Но теперь Соловей может использовать Посох, чтобы сеять семена вражды и разногласий всюду, где пожелает. Но так он не сможет придти к власти. Для этого надо обладать Рогом и уметь его использовать".
"Я не уверена, что Соловей ищет такой власти", - проговорила Барензия.

"Все ищут власти, - ответил Симмах, - каждый по своему".

"Я - нет, - сказала она. - Я, милорд, уже нашла, что искала".

Подлинная Барензия, т. 4

FormId	skyrim.esm:01ACD9
Owning plugin	skyrim.esm
Local FormId	01ACD9
Editor ID	Book2CommonRealBarenziahV4
Inventory image	(none)
Menu art	HighPolyBookLarge01
Value (gold)	5
Type	Book or tome
Weight	1
Can be taken	Yes
Teaches	(none)
Inventory description	(none)
Keywords	VendorItemBook
Locations	1277
Leveled lists	12
Scripts	0

© Bethesda Softworks LLC and the authors of the mods in the load order.
Exported and generated with SkyrimSourceExporter.